

Ингрид Нолль

Неунывающие вдовушки

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Нолль И.

Неунывающие вдовушки / И. Нолль — «Эксмо», 2001

Кора и Майя молоды, но жизненного опыта у них хватит на четверых! И они точно знают, что главное – никогда не унывать и надеяться только на себя. И уж точно – никому никогда не доверять, кроме друг друга. Но однажды Майя все-таки поверила случайной знакомой и – попала в переplet. И как назло, Кору, которая могла бы ее остановить, не было поблизости. Но Майе есть что терять – ее ждет маленький сын Бэла, поэтому она будет бороться, сбивать масло и в конце концов отомстит обидчикам и выйдет победительницей.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Содержание

1	6
2	14
3	22
4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ингрид Нолль

Неунывающие вдовушки

Ingrid Noll

SELIGE WITWEN

Copyright © 2001 by Diogenes Verlag AG Zurich, Switzerland. All rights reserved

© Кулес А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

1

Вот ведь взяли моду – то и дело ругают молодых наследников. Никакого понятия у людей, до чего трудно подобраться к наследству богача. Кора выскочила замуж за миллионера, когда ей не сравнялось еще и двадцати. И мы, конечно, обе постарались, насколько хватило таланта, чтобы она как можно скорее овдовела. Богатство Кору основывается на смелости, изобретательности и уверенности во мне, решительной подруге-единомышленнице, которая всегда поможет.

Как-то накатило на нее, и в приступе благодарности она призналась:

– Да я без тебя никуда!

К чему, однако, громкие слова. Мы такого вместе натворили, что теперь связаны намертво. А я все-таки в глубине души опасаясь, как бы наши тайные грехи не превратились в нашу же манию.

В прошлом году в июне во Флоренции стояла жара. Однажды в душную субботу мы решили обкатать наш новый «Феррари» и поехали за город. В наилучшем расположении духа мы покинули городской дом Кору, а с нами наша заботливая, как мать родная, подруга и экономка Эмилия, ее друг-заика Марио и мой сын Бэла. Кора мчала нас по шоссе в сторону тосканской жемчужины – Сиены. Там мы собирались купить вина, оливкового масла, заодно вкусно поесть, короче, отдохнуть как следует.

В Кастеллине, в хорошо нам знакомом ресторанчике «Кьянти» мы взяли жареных цесарок и ньокки под соусом из руколы. К вечеру в нашем любимом заведении стало, как всегда, шумно и весело. За соседним столиком живо обсуждали внезапную гибель одного англичанина и скорую продажу его дома. К разговору присоединялись все новые участники. Неожиданно рядом с Корой возник молодой парень, по виду рабочий, и настойчиво зашептал ей, что у него, мол, есть ключи от усадьбы несчастного англичанина. Когда, наслушавшись его сказок, мы уже совсем умирали от любопытства, он глухой ночью повез нас в имение по дороге среди освещенных луной безлюдных романтических холмов Тосканы. Поскольку у нас с Корой было твердое намерение посетить опустевший дом и переночевать там, то Эмилия, Марио и Бэла были отправлены на нашей машине обратно во Флоренцию.

Вскоре открылись автоматические ворота, под колесами зашуршал гравий.

– Шикарно! – заметила Кора.

В темноте мы взойшли на террасу, еще теплую от солнца, и заслушались пением соловьев в сопровождении хора лягушек и сверчков. В лунном свете мерцали виноградники, последние светлячки поблескивали в листве и на изгороди, воздух сладко пах жимолостью и лавандой. Дино – так звали этого сладкоголосого парня – предложил поплавать в бассейне, мы отказались. Знал же, хитрец, что купальников мы с собой не взяли.

– И почему продается? – Кора указала пальцем на дом. Услышав ответ, она в задумчивости щелчком отправила сигаретный окурочок за парапет террасы. – Это почти даром за такие угоды, – обратилась она ко мне по-немецки, – наконец-то у нас будет бассейн, Майя. Флоренция летом – это чума. В городе от жары свихнуться можно.

Итальянец, к счастью, ее не понял.

– Милый паренек, – продолжала Кора, – ждет, наверное, что из благодарности одна из нас пойдет с ним в постель. Не желаешь?

Дино привел нас в гостевые комнаты.

– Мы с Корой можем спать на двуспальной кровати, – предложила я, – будь добр, Дино, отвези, пожалуйста, нас завтра пораньше на автобусную остановку.

Между тем мы узнали, что он электрик. Нашу идею насчет одной кровати он явно не одобрял, у него на то были свои стратегические причины, но виду старался не показывать.

вать. Его юное личико только слегка омрачилось. Он, наверное, в детстве, без этой козлиной бородки, был похож на барочного ангелочка. Особенно были хороши ресницы – длинные и густые.

Он объявил, что устал и что тоже ночует здесь, завтра воскресенье, рано не вставать. Завтра он покажет нам усадьбу при свете дня, а потом доставит обратно во Флоренцию, хоть к самому порогу. Поцеловал Кору, мимолетно приобнял меня и удалился в одну из спален.

Когда мы от него отделались, Кора предложила опробовать бассейн. Ночь была лунная, светлая, бассейн на ухоженном газоне нашли легко.

Вот черт: бассейн оказался затянут пластиковым покрытием, и сколько мы ни бились – снять его не смогли. В чем мать родила мы бились над механизмом, открывающим пластиковые ламели, и вдруг – прожектор. Дино врубил внешнее освещение и напугал нас до смерти, как фавн трепетных нимф.

– Тут ключик надо направо повернуть! – И он шагнул к каменной стене, открыл защитную крышку и указал на скрытый выключатель. Еще издевается, подлец!

Волшебная сила электричества привела механизм в движение: покрытие медленно и бесшумно свернулось в рулон, как крышка банки с сардинами. Вода! Теплая!

Втроем мы проплыли несколько кругов.

– Пока он не взорвался от похоти, проучим его, что ли, – предложила Кора.

Что за радость глядеть, как парень мается, не знаю. Бог знает, что Кора затевает. Может, ей хочется с моей помощью продержат его под водой подольше, чтобы испугался до полусмерти.

– Он до нас еще не дотронулся даже, – воспротивилась я.

– Что значит – нас? – заявила Кора. – Я-то уже удостоилась такой чести.

– Ну испарится он отсюда, и что? Останутся две тетki на лоне природы.

Кора согласилась. Выйдя из бассейна, она приказным тоном отослала слегка остывшего Дино спать, и тот повиновался без возражений.

Я проснулась ни свет ни заря. Восстала с двуспального ложа, которое делила ночью с Корой, натянула белье и выскользнула на террасу. Какой вид! Бог ты мой! Дух захватывает! Вот это рай! Настоящий рай – у моих ног! Тоскана! На горизонте зеленые горы сливались с бледно-голубым восходом. Повсюду виноградники, крестьянские усадьбы, кипарисы у каждых ворот. Воздух пряный, едва движется. Дом стоял на вершине холма, здесь гулял легкий ветерок.

Роса на траве мерцает. Босиком по траве! Солнце еще толком и не взошло, а денек-то, как видно, будет жаркий. Что там Кора вчера мечтала – купить это все? Ммм, как розы пахнут! Бабочки, кругом бабочки! Сюда бы моего Бэлу! Вот ему будет раздолье в этом саду! Вот страна чудес для ребенка, и никаких забот!

Только вот бассейн, да, его опасно оставлять открытым. Придется открывать его, только когда мы вместе с малышом идем плавать. Может, пора научить его плавать? Или мал еще?

Что же, интересно, случилось с прошлым владельцем? Как он погиб? Дом все-таки уединенный, не опасно ли для двух молодых дам? А впрочем, когда мы с Корой вместе, нам сам черт не страшен!

Ой, что-то зябко. Пойду залезу снова под теплое одеяло и посплю еще, время раннее, и семи нет.

Не тут-то было. Мое место уже оказалось занято! Рядом с Корой, точнее на ней, оказался Дино. Она его позвала или он сам пришел, я так и не поняла. Только оба были так заняты, что меня вообще не заметили. Да что там, мне к подобному не привыкать. С Корой это часто случается. Я подхватила покрывало, соскользнувшее с кровати, и расположилась в зимнем саду в шезлонге. Но теперь мне было уже не до сна. Грустно стало, лишняя я

какая-то на этом празднике жизни. Резвятся там, благо мое место пустует, повторяют мое имя и хихикают! Конечно, разве меня можно сравнить с Корой!

Ничего нового, обычное дело: когда Кора рядом, мужчины на меня вообще не смотрят. Конечно, у нее рыжая львиная грива, а у меня – тощий белесый хвост. У нее зеленые глаза, а у меня – бледно-серые. Для меня наивысшим комплиментом будет «мал золотник, да дорог», а Кору называют «мечтой» и «богиней». И одевается она в яркие, агрессивные цвета – розовый, оранжевый, желтый, сине-зеленый, черный. А над моим стилем она смеется и зовет его «ванильно-карамельным», потому что я люблю цвета ванили, карамели и корицы. Издалека меня, должно быть, вообще не видно.

Ага, Дино уехал! Его машина прошуршала по гравию. Кора выросла перед моим лежаком в зимнем саду, пару раз жеманно потянулась и спросила:

– Обиделась?

– Что, свинтил твой Ромео? – злорадно откликнулась я.

– Он собирается приготовить нам достойный завтрак, обещал, – заявила Кора.

И ведь не обманул! Через час примерно Дино угощал нас поджаренным пресным тосканским хлебом, который сначала обмакнул в масло и натер чесноком, и вполне сносным эспрессо. На кухне у своей матери он захватил овечий сыр пекорино, помидоры, а базилик нарвал в саду.

– Ой, глядите, что я нашла в книжном шкафу! – крикнула Кора из библиотеки, пока я, как примерная домохозяйка, несла с террасы на кухню грязную посуду. – «Декамерон»! Должно быть, 650 лет назад Джованни Боккаччо был от этих мест в таком же восторге, как и мы!

Кора прочла нам из книги с кожаной обложкой и золотым обрезом, как во время чумы группа молодых аристократов покинула Флоренцию и уединилась на природе. «Семеро дам и их кавалеры столь были восхищены садом, что единодушно признали: земной рай, будь он возможен, был бы так же прекрасен, как этот сад, и никакие красоты в мире не смогли бы сделать его еще великолепнее...»¹

Мы согласно закивали. Кора прочитала еще:

– Вилла в «Декамероне» «возвышалась над равниной на небольшом холме», – возможно, Боккаччо описывал именно эту усадьбу.

Ну вот это вряд ли, решили мы с Дино: в Тоскане почти все виллы стоят на холме.

Наконец Дино показал нам все имение: крытую парковку на три машины, три спальни, три ванные, отдельный домик для гостей («Для Эмилии и Марио», – решила Кора), превосходно оборудованная кухня и восхитительный зимний сад с видом, как и терраса, на горы.

Обойдя все это великолепие, мы рухнули в плетеные кресла.

– Откуда у тебя ключи? – спросила я Дино.

Оказалось, что его дед служит в этой усадьбе садовником. Он-то и подкинул внуку доходное место: следить за электричеством и техникой в поместье, проверять, исправны ли ворота, в порядке ли покрытие бассейна и гидромассаж. Дино с гордостью показал нам пульт управления с множеством кнопок и программ. Англичанин любил технику и позволял себе разные сумасбродства. Он обожал свой компьютер и жутко убивался, когда его любимая игрушка начала барахлить. Дино же ничем не мог ему помочь: он был толковым электриком, но в вычислительной технике ничего не смыслил. В итоге приезжал специалист из самого Милана, хотя в округе полно компьютерных магазинов. После гибели британца следовательно, к сожалению, конфисковал компьютер, видимо, как вещдок, надеясь найти на жестком диске или в электронной почте покойного улики или хоть намек на причину его смерти.

¹ Перевод А. Кулес.

– Что еще за улики? Сколько ему было лет? Семья у него была? И как он вообще погиб? – загорелась Кора.

Ну, лет пятидесяти с небольшим, был ответ, семьи не было, только друг. Ну, у него была связь с женщиной, и этот мужчина иногда навещал его здесь, в Тоскане.

В деревне британца прозвали бароном. Он был щедр, хорошо платил своим работникам и не скупился на чаевые. Интеллигентный человек, любил искусство, много читал, спортом занимался, следил за собой. Каждое утро плавал в бассейне. Гибель его потрясла всех, кто его знал. Однажды утром Умберто, дед Дино, открыл бассейн, чтобы почистить дно, и нашел в воде мертвого хозяина.

– Но не сам же он себя закрыл, – тут же встряла я, – до выключателя из воды не дотянуться.

– Ишь ты какая умная, – ухмыльнулся Дино. – Полиция уже сообразила. Бог знает, что там надумал следователь из Сиены, прессе он не сообщает. Полиция перерыла его домашнюю аптечку и все забрала с собой. Ходят слухи, при вскрытии обнаружили следы снотворного. Может, барон принимал седативы и потерял сознание в бассейне, кто его знает. В темноте не заметили в воде беспомощного человека и случайно закрыли крышку. Пока считают, что это несчастный случай.

– Нет, его убили! – заспорила Кора.

– Да, тут тоже многие так думают, – кивнул Дино. – Особенно всем интересно – кто закрыл бассейн? И почему наследник, племянник покойного, так скоро выставил имение на продажу? Подозрительно как-то. У племянника ведь железное алиби. Но, говорят, дом, где произошло убийство, всегда проклят, нечисто место, кому такой нужен. Естественно, от него хотят поскорее избавиться.

– О да, тяжелое проклятие лежит на этом доме, и только две девственницы с Севера могут снять злые чары, – Кора никогда не лезла за словом в карман.

– Или две ведьмы, – пошутил Дино в ответ. – И откуда только у одной из них столько денег?

– Ну, слушай, – отозвалась Кора, – дисциплина. Дисциплина прежде всего! Вот мой секрет. Кто рано встает, тому бог подает. Терпенье и труд все перетрут. No sex, no drugs². И все в дом, все в дом, ничего не выбрасывать, ни сухой корки, ни ржавой скрепки. Оглянуться не успеешь – ты миллионер, и не только в лирах. – Она алчно поглядела вдаль. – Где граница с соседним поместьем?

Два кипариса по углам по традиции означают границу фаттории, то есть виноградника или крестьянской усадьбы – объяснил Дино.

Кора что-то черкнула в блокноте и тупым концом карандаша почесала комариные укусы на своем роскошном декольте. Дино не сводил с нее глаз.

Мне вспомнилась одна поговорка, я слышала ее от Эмилии, и теперь мне захотелось уколоть Кору побольнее:

– Спишь с собаками – встаешь с блохами.

Она метнула на меня гневный взгляд, и я, оставив ее наедине с ее борзым кобелем, ушла в библиотеку.

В библиотеке было много альбомов с репродукциями итальянских мастеров, английских классиков, детективов и большая коллекция музыкальных компакт-дисков. Несколько вариантов исполнения мадригалов Монтеверди. В музыкальном центре оставался один диск, я нажала на «play». Какая полилась музыка! Сердце защемило. Ренессанс. И два волшебных голоса, играя музыкальными причудами пьесы, воспели крылатые стрелы Амура и полет

² Ни секса, ни наркотиков (англ.).

птиц: «Addio, Florida bella». Я прочла по-немецки, что это влюбленные прощаются в час рассвета.

И тут я расплакалась. Очевидно, каждая новая интрижка Кору обостряет ощущение моей собственной ущербности. Пять лет назад во время летних каникул в Тоскане я познакомилась с Йонасом, деревенским парнем из Шварцвальда, он и стал отцом моего сына. Теперь Тоскана навевала грустные мысли. Конечно, я его очень любила, как только можно любить в семнадцать лет. Жаль, что наш брак оказался несовместим с бытом. А мне так хотелось ласки!

Кора уже нашла меня.

– Ты точно не хочешь развлечься с моим херувимом? – она обняла меня. – Разве ты не любишь блох, так же, как я?

Я лишь покачала головой.

Мы решили остаться тут до понедельника. Кора собиралась попасть в Сиену, чтобы на месте обговорить с маклером все условия покупки имения. Позвонила по мобильному Эмилии и объявила ей о своем решении. Потом достала свой альбом для набросков, и Дино целый час работал натурщиком. Остаток дня провели у бассейна, а потом отправились ужинать в Каstellину.

Чудесный маленький городок с центральной площадью, традиционной «пьяцца», церковью и остатками крепости. Лежит на вершине холма между реками Арбия, Эльза и Пеза. За «английским супом» снова речь зашла о смерти англичанина.

– А что, – спросила я, – племянник приехал сразу после смерти дяди и выставил имение на продажу?

– Сразу же. Неприятный тип. Платит по-прежнему моему деду, но только потому, что засохший сад никак не продать по цене цветущего, однако моментально отказался от телефона и рассчитал Люцию.

– Кого рассчитал?

– Домработницу. Вы же не думаете, что барон сам себе стряпал? – Дино с сомнением поглядел на Кору: если она и вправду богата, как говорит, ей ли не знать обычаи миллионеров.

– Ну, расскажи еще, – не отставала я. – Значит, племянника тут не жалуют. А он что, часто бывал у дяди в гостях?

– Не замечал такого. Он, кстати, сразу же упаковал и вывез в Англию коллекцию. Там он ее, конечно, продаст, без всяких сантиментов.

– Какую коллекцию? – спросили мы с Корой хором.

– Ну вы даете! – Дино был разочарован. – Такие умные и такие ненаблюдательные! Не заметили пустых витрин? Люция украсила их пустыми птичьими гнездами, а то совсем голо смотрелось. Жаль. Было как в музее прямо!

– Что он собирал? – Мне барон нравился все больше, и становилось все интереснее.

Дино, кажется, впервые всерьез обратил на меня внимание и набрал полные легкие воздуха.

– Кукол! Старинных, ценных, дорогих кукол из Франции, таких, с фарфоровыми головами. И только мальчиков, ни одной куклы-девочки. Люция то и дело стирала матроски, протирали лица ватными палочками, но ей это было в радость. Довольно дамская коллекция, я бы сказал. Мужчины ведь собирают оружие, монеты, трубки...

– Почтовые марки, – встряла Кора.

– Как-то раз один его друг решил его разыграть, – продолжал Дино, – и тайком подсунул ему среди его фарфоровых мальчиков одну девчонку, современную такую, с бюстом, все дела. Барон шутку не оценил, барби эту убрал с отвращением, а я хохотал до слез, когда мне Люция об этом рассказывала.

Вечером, после всех событий, я пошла спать в гостевую комнату, оставив мою рыже-волосую подругу одну на двуспальной кровати.

В понедельник пришлось встать непривычно рано, что делать – дела, дела, но в Сиену ехали бодро и с удовольствием. Дино вез нас проселочными дорогами через леса и поля, где крестьяне, несмотря на ранний час, уже убирали сено или пропалывали виноградники на маленьких тракторах.

Дино высадил нас перед воротами Сиены и откланялся. Идти к маклеру было еще рано, и мы пошли завтракать в кафе. Попивая капучино с пирожками, мы с Корой вспоминали лето накануне окончания школы, когда мы здесь же флиртовали с хорошенькими итальянцами. Мы очнулись, когда мимо нас проехала женщина с уборочной машиной.

– Смотри, мы сорим – а ей за нами убирать, – заметила я. – Даже как-то стыдно: мы ведь тоже вечно кидаем мусор мимо урны.

– Сидела бы ты лучше со своим Йонасом в этом вашем Шварцвальде, – сердито сказала Кора, – пошли, надо найти автовокзал, билеты домой купить.

Едва мы пустились в путь, как небо потемнело.

– Бежим в собор! – скомандовала Кора.

Пока дождь барабанил по крыше, я занималась моим любимым делом – шаг за шагом изучала великолепный разноцветный узорчатый пол. Фриз из черного, белого, красно-коричневого мрамора – красота! Старый как мир оптический обман: ступеньки, выложенные мозаикой, ведут то ли вверх, то ли вниз. Кора же развалилась на скамье.

Когда мы вышли, дождь еще накрапывал, все такси как сквозь землю провалились. Один только торговец-разносчик продавал разноцветные клеенчатые дождевики, которые хоть и липли очень противно к ногам, но с задачей своей справлялись. Туристы укутывались в голубые, розовые, зеленые коконы, присоединились к ним и мы.

Маклер разложил перед нами планы. В усадьбе всего десять лет назад прошел капитальный ремонт и благоустройство владений по строгим тосканским строительным законам. Снаружи сохранился исторический фасад, внутри дом разобрали, обновили, перестроили, используя самые качественные и благородные материалы, и напичкали самыми современными и дорогостоящими коммуникациями.

– Если и в самом деле желаете купить это поместье, не медлите, – посоветовал маклер, – за такую цену дом и участок улетят, ахнуть не успеете. Кроме вас есть еще несколько солидных покупателей. Один крупный промышленник из Болоньи, известный пластический хирург из Рима.

Кора пыталась сбить цену: в Кастеллине поговаривают, дом проклят. Проклятый дом, конечно, за такие деньги не купят.

– Вы не похожи на женщину, которая верит во всякий суеверный вздор, – улыбнулся маклер.

– Не верю, – Кора одарила риелтора приветным взглядом. – А вы разбираетесь в людях. Я просто подумала, как к дому отнесется персонал. Местные наверняка будут обходить это место стороной.

– Я вас умоляю, – обиделся маклер, – за кого вы держите тосканцев? Мы же не дикари лесные, ей-богу. Мы уже много веков люди культурные и просвещенные!

Тут пришлось вмешаться мне: не сердитесь, не сердитесь, куда нам, германцам, до вас, тосканцев, мы в эпоху Ренессанса только начали осваивать наскальный рисунок.

Кора сгребла копии архитектурных планов и документов в свою соломенную сумку и обещала срочно связаться со своим банком. Маклер проводил ее любопытным взглядом. Должно быть, думал: «Откуда у нее деньги?»

– Какие они тут обидчивые, а! Ты подумай! – возмущалась Кора. – Мы что, тоже такие?

– Не сомневайся, точно такие же, – заверила ее я, – что бы ты сказала, если бы немцев назвали нацией преступников?

– Вот наглость! – вознегодовала она. – Неполиткорректное, расистское и женоненавистническое заявление! Надо говорить: «Немцы – нация преступников и преступниц».

Мы переглянулись и покатались со смеху.

Если Кора и влюбилась в поместье, она все же ничего никому не обещала и не подписывала никаких документов, а после разговора с финансовым консультантом уже и не так рвалась завладеть усадьбой.

– Как думаешь, Майя, стоит ли вкладывать весь капитал в один проект? Я могу купить эту усадьбу, а потом умру там с голоду. Ну и как же ставить все на одну карту?

– Всегда можно потерять все, что имеешь, – отвечала я. – А если ты вдруг приглядишь себе какую-нибудь асьенду в Аргентине или свиноферму на Меконге, что тогда? Прощай, Италия?

– Аргентина! Меконг! Тоскана! Меня вообще не спросили, захочу ли я там жить. – Это Эмилия, которая принесла новый кофе. – В такой глуши можно достать свежие устрицы?

– Ой, я сейчас заплачу, – загундела Кора. – Продается лучшее в мире поместье, а Эмилия сомневается, хорошо ли ей там будет.

– Ерунда! Я не это хотела сказать, – обиделась Эмилия, – вечно ты извращаешь мои слова. В конце концов, я уже не девочка. Прибирай тогда сама в своем поместье!

– А уборки там как раз мно-о-о-о-го, – холодно заявила Кора и посмотрела на меня.

Тут и мой энтузиазм значительно поубавился.

Вероятно, из-за меня и Эмилии Кора немного сомневалась и целую неделю взвешивала за и против. Наконец она позвонила в Сиену, чтобы дать согласие.

– Прошу прощения, – сказал маклер, – но десять минут назад я этот объект продал.

– Как? Почему? Кому? – растерялась Кора.

Выяснилось, что некая американка предложила на пять процентов больше, и они, разумеется, сразу оформили сделку, не оповестив остальных претендентов.

– Тут уже ничего не поделаешь, – сказала я с облегчением.

В жизни не видела Кору в таком дурном настроении.

– Это все вы! Вы виноваты! – негодовала она. – Маклер же предупреждал, чтобы я не копалась! А вы! Сбили меня с толку и рады. Ты со своей вечной перепродажей! Разумеется, когда перепродают, теряют кучу денег. Это я и без тебя знаю. Эмилия со своими идиотскими сомнениями: устрицы ей подавай, понимаешь! Да в Кастеллине устрицы не хуже, чем во Флоренции, их там навалом. Чтоб их! Мой дом! Десять минут назад ушел! Увели из-под носа! Вот черт! Эмилия! Какого черта ты не разбудила меня раньше? Все, пропала мечта всей жизни!

Мне жаль было Кору, конечно, но с какой стати ей все в жизни должно доставаться с такой легкостью? Вот мне же ничего само не падает. Об имении в Тоскане я даже мечтать не могу. С тех пор как потеряла работу – я водила экскурсии на немецком в Италии, – у меня даже на карманные расходы денег не было.

Кора скоро утешилась: завалилась в один дорогуший бутик и оставила там целое состояние, а заодно в покупательском угаре и меня одела с ног до головы. И во время примерки, когда я в облегающем платье стояла на табуретке, а портниха подкалывала подол, Кору вдруг осенило: она хочет заниматься скульптурой.

Не успели мы вернуться домой, как снова налетела летняя гроза. Эмилия поставила Бэлу перед собой на подоконник, и они наблюдали, как дождь заливает террасу. Мой сын обнаружил огромную паутину, точно бриллиантами, сверкающую каплями дождя.

– Природа! Никакие шмотки, даже самые роскошные, с ней не сравнятся, – грустно констатировала Кора.

О поместье в Тоскане я скоро забыла, я – да, но не Кора. Моя подруга не умеет проигрывать, а я и забыла.

2

Кора начала лепить маленькие скульптуры из глины и собиралась, разумеется, вскоре овладеть и мрамором. Только ничего у нее не получалось, слишком уж она была беспокойна и раздражительна. Ничего не помогало – ни поездки к морю каждую неделю, ни посещение выставок. Она ходила как в воду опущенная и с кислой миной. Пока однажды не зашла речь о нашей родине.

Ой, не надо бы! У меня сразу тоскливо заныло сердце. Не к добру это. Тут как раз Коре сообщили, что у нее заболела бабушка, чуть ли не воспаление легких, а даме за восемьдесят, как бы не померла, не приведи бог!

И на Кору снова накатило.

– Кроме тебя она единственный человек на свете, которого я... – долгая пауза, – люблю.

Так что мы срочно выдвигаемся в Германию, потребовала она. Кто знает, может, она больше бабулю никогда не увидит.

А я-то тут при чем? Это ее бабушка, а не моя. Я-то, слава богу, уже совсем сирота, никого у меня не осталось.

– Хочу исполнить ее последнее желание, – отвечала Кора.

Ну? Что еще за желание?

– У бабули трое детей и шестеро внуков. Подумай, Майя, чего старушке еще желать на старости лет? Правнуков, конечно!

Чего?! Неужели Кора, чтобы угодить старушке, готова поступиться своими принципами и забеременеть? Неужели от Дино?

Да нет! Кора, угадав мои мысли, энергично замотала головой. Не угадала!

И тут до меня дошло: Бэла! Мой сын! Кора подсунет его умирающей бабуле как своего, как некогда Иакову подсунули Исаака.

– И как же ты ей объяснишь, откуда у тебя четырехлетний сын? Она же еще в своем уме? Или что?

«А! Дорога долгая, придумается что-нибудь», – решила Кора. Меня замутило от одной мысли об этой поездке. Бэла никогда не слышал о своей прабабушке, но в его годы мир полон сюрпризов-открытий, так что он спокойно выслушал новость о нашем внезапном отъезде и не капризничал.

– Прабабушка живет у папы, – вспомнил он, и я с опозданием поняла, что в Шварцвальде действительно есть прабабушка.

Так мы пустились в путь, и жизнь наша навсегда изменилась.

В Дармштадте выяснилось, что Шарлотта Шваб на собирается пока на тот свет, ей и здесь неплохо. Сияющий, как херувим, молодой человек открыл нам дверь ее дома и возвестил, что бабуля почти поправилась. Это был кузен Кору Феликс, которого мне представили как образцового мальчика и внука: он, мол, взвалил на себя все заботы о старушке – за щедрое денежное вознаграждение.

– Слушай, Феликс, – предупредила Кора, – я сейчас представлю бабуле этого ребенка как ее правнука. Гляди, не выдай меня!

Мы смиренным шагом вошли к больной, заранее одетые (на всякий случай) в черное. Этот цвет очень шел к нашему южному загару. Бабушка восседала у окна в зеленом спортивном костюме, через лупу читала письмо и ногой покачивала кресло-качалку, где сидела кукла-манекен. Телевизор работал без звука.

Старушка сердечно приветствовала Кору, а мне протянула руку:

– Вы, должно быть, Майя. Как здорово, что вы взяли с собой вашего малыша!

– Нет, бабуля, это мой сын! – торжественно объявила Кора. – Я подумала, пора сказать правду.

Феликс, наплевав на предостережение Кору, прыснул, бабуля тоже подхватила, рассмеялась и я. Бэла обрадовался, что не надо больше вести себя смирно, стал носиться по дому, опрокинул блюдо мейсенского фарфора и на немецко-итальянской тарабарщине стал болтать с манекеном в кресле-качалке. Правда, валял дурака он недолго, вскоре устал и, как всегда в таких случаях, расплакался. Кора злилась.

В тот памятный день я познакомилась с Феликсом. Неудивительно, что он покориł сердце своей бабушки: он был безупречно предупредителен и в любой момент готов предложить помощь. Он даже Коре сумел угодить. Быстро уложил спать Бэлу, заварил чай, откупорил бутылку вина, но при этом бросал на меня *такие* взгляды, что я не знала, что и подумать: то ли он так рад нас видеть, то ли нравлюсь я ему, что ли?

– У кого будете ночевать – у Регины или у родителей? – поинтересовалась бабуля. – У меня больше одного не разместить.

Кору передернуло: ей неохота было тащиться ни к родителям в Гейдельберг, ни к тетке.

– У нас в общежитии все разъехались на каникулы, – вмешался Феликс, – места всем хватит, и для маленького гнездо сошьем.

Кора согласилась, а меня вообще не спрашивали.

Бабуля вскинула брови, оглядела внуков и меня и промолчала.

На прощание старушка устроила нам вечер при свечах с чтением немецких баллад и прошлогодними кексами. Когда же она затянула «Сверкала молния в лесу, стояла башня вековая», мы свинтили.

Феликс ехал первым, показывая дорогу, мы – следом. Пока мы были одни, Кора сказала:

– Бабуле все кажется, что я хочу закрутить роман с этим парнишкой. Она боится, что я его испорчу, она его обожает.

Я было вступилась за старушку, но Кора меня высмеяла:

– Да ладно! Она сама навещается каждые три дня в дом престарелых, навещает там одного древнего Мафусаила, который был ее любовником. Седина в бороду – бес ребро, а из самих-то уже песок сыпется.

В общежитии Феликс как нельзя кстати вновь проявил заботу о нас. Он кое-что накопал в холодильнике на общей кухне и на скорую руку приготовил нам ужин. Как ни были мы избалованы лучшей итальянской пастой, но набросились на то, что состряпал Феликс. Вскоре появился еще один обитатель общаги – тощий, усталый и голодный студент Энди. Он молча съел две порции и снова исчез. Бэла давно спал на обтрепанной овчине, видимо собачьей подстилке. Кора потребовала спальное место. Феликс показал нам две пустые на тот момент комнаты, в одной стояла двуспальная кровать, в другой – один матрас. Не медля ни секунды, я перенесла своего сына на большую кровать и сама улеглась рядом. Где будут спать Кора и Феликс, мне было все равно.

Утром я проснулась поздно и полусонная пошла искать сына. Бэла сидел на кухне за столом рядом с Феликсом и дрыгался ложкой в тарелке с молоком и хлопьями. Под столом сидела лохматая дворняга и ловила неожиданное угощение. Феликс протянул мне пакет с какао, из которого он только что пил сам, я отказалась и села рядом с ребенком.

– Твой пес? – спросила я Феликса.

– Нет, соседа, – отвечал он, – Макс не стал тащить его с собой в Ирландию, хотя все ветеринарные дела были улажены. Еще у нас тут живет Цилли, но и она сейчас на каникулах. Обычно у нас тут шумно и весело.

В Италии я отвыкла от завтраков, обычно Эмилия варила нам эспрессо, пока мы еще валялись в кроватях. Я обвела глазами кухню, Феликс снова явил чудеса интуиции: вскочил, порылся на полке и достал банку растворимого кофе.

Явилась Кора, молча взяла у меня из рук чашку с кофе и выпила, а потом припала к минералке. Восстановив водный баланс, она запела неожиданно ласково:

– Мы тут с Феликсом решили, что он совсем не знает Тоскану. И пока у него каникулы...

Меня, как водится, никто не спросил. Зачем? Я же всегда на все согласна!

– Не знаю, что с бабулей делать? Кто за ней присмотрит? Тетушка, как назло, именно сейчас улетела в отпуск на Бали.

Ну и что? Я все еще не понимала, причем тут бабушка и тетя?

– Да и собаку надо выводить, – продолжала Кора.

Ага! Вот оно что! Начинаю догадываться. Но пока молчу.

– Майя – зайчик, Майя – киска, она не откажет, – пропела Кора Феликсу. – Она останется на пару дней. А для Бэлы это вообще приключение!

Феликс запротестовал было: нехорошо навязывать посторонним свои семейные проблемы.

– Да ладно! На пару дней, – решила Кора, – смешно, ей-богу! А потом я верну тебя в Дармштадт, а Майю и Бэлу увезу в Италию.

И как-то в один момент оба договорились и согласились, что можно-таки оставить все это хозяйство на меня. В мое распоряжение остается автомобиль Макса, так что я каждый день могу выезжать с собакой и ребенком за город, а по вечерам заглядывать к бабушке, то да се, по мелочи, помочь по хозяйству, прибраться, поесть приготовить...

– У нее есть горничная? – спросила я.

– Да нет, зачем? – был ответ. – Она же не возится в песке, как Бэла, что там у нее убирать? И вообще, она не выносит посторонних в доме.

Не выносит посторонних, говорите? Ну, вот и хорошо.

Спустя два часа Феликс уже сидел в машине Кору, готовый к отъезду: наскоро покидал вещи в сумку, по телефону попрощался с бабулей и показал мне запасы туалетной бумаги и собачьего корма.

Без меня меня женили! Кому бы такое понравилось? Сиди тут, как в ссылке на острове. Вот черт! Чемодан надо распаковать. Распаковала. Кровать – перестелить ее, срочно! При свете дня она совсем не так уютна, как была вчера ночью. Перестелила. Бэла между тем сдружился с безымянной дворнягой. Собак он не боялся совсем, любому псу смело мог залезть ручонками в пасть, он ведь вырос вместе с Пиппо, собакой Эмилии.

Я исследовала наше новое жилище. У каждого жильца здесь была своя комната, но кухня и ванная – общие. Феликс обитал в бывшей цирюльне: об этом говорили многочисленные водопроводные краны и трубы, что еще остались в комнате. Окна выходили на улицу. Пыльные окна-витрины новый хозяин загромоздил разным хламом, как ему казалось, художественным и оригинальным: здесь была пустая птичья клетка, например, и дамский корсет эпохи стиля бидермайер – смеси ампира с романтизмом. Никогда не любила дизайнеров-самоучек.

Сосед Макс изучал электротехнику, поэтому в его комнате стоял профессиональный верстак. А в той горнице с камином, где теперь спали мы с Бэлой, явно проживала дама. Так вот эта дамская комната была самой грязной в доме.

Я зашла в следующую комнату, и разбудила Энди. Ой! Не знала, что он здесь.

– Я... эээ... ищу стиральную машину, – выкрутилась я.

Студент поглядел на часы: спасибо, что разбудила, у него скоро смена, он подрабатывает таксистом в каникулы. Да, приходится, что делать, не всем так везет, как Феликсу.

Не у всех есть бабуля под боком. Пропылесосил ей коврик – она тебе денежку. А еще лучше – подружка пропылесосит, а бабулины пара сотен достаются ему.

Я мрачно похвасталась, что в ближайшие дни такой подружкой буду я.

– Ты его новая, что ли?

Чтобы не попасть впросак, я попросила уточнить расписание их соседки.

Энди мне поведал, что они зовут ее Принцесса Ослиная Шкура, что она сбежала от своего мужа и прячется от него в их коммуналке. После того как Энди завязал волосы в хвост и умчался на работу на велосипеде, я зашла в ее комнату.

Шло время, и я все больше понимала: однако Кора и Феликс меня здорово подставили! Эти двое смылись в мгновение ока, мошенники! А что, не опаздываю ли я к бабушке? Где тут обещанная машина? Эта, что ли? Телега ржавая! Пес с триумфом запрыгнул на сиденье рядом с водительским, Бэла, к своей радости, нашел на заднем сиденье гору пустых пивных банок, масляные тряпки и набор отверток. Кора, конечно, не потрудилась вытащить его детское кресло из своего «Феррари».

Я долго искала «ведьмину избушку» бабули Шваб. Наконец с большим трудом нашла. Феликс доверил мне ключ от ее двери. Я жутко злилась, но взяла себя в руки и решила не вымещать свою злость на старушке. Она человек старого воспитания, привыкла к пристойности, не терпит сквернословия.

– Как вы себя чувствуете? Воспаление легких уже прошло? – Я изо всех сил удерживала Бэлу, а тот рвался на подвиги.

– Воспаление легких? – изумилась фрау Шваб. – Это был легкий бронхит. Воспаление легких у меня было последний раз лет в шестнадцать. Спасибо, я уже почти здорова.

Я еще раз извинилась за вчерашние разрушения, причиненные моим сыном, но тут снова зазвенело разбитое стекло: на этот раз дворняга, виляя хвостом, смела с ночного столика хозяйки все, что там было. Вскоре после этого Бэла переел кексов, и его стошнило. И я засомневалась, что фрау Шваб была бы рада правнукам.

– Могу я еще чем-нибудь вам помочь, фрау Шваб? – приторно пропела я, убирая в помойное ведро осколки стекла и пропитанные рвотой бумажные полотенца.

Она натянуто улыбнулась в ответ и отказалась от моей помощи: мол, продуктов у нее достаточно, на обед она разогреет себе банку супа-пюре из спаржи, а завтра ей все равно надо будет выйти прогуляться, подышать свежим воздухом, тогда она купит себе яблок и бананов.

В конце концов все же последовал вопрос, которого мне хотелось бы избежать.

– Простите мою забывчивость, – произнесла бабушка, – память уже не та. Напомните мне, пожалуйста, чем Кора занимается во Флоренции? Учится?

Я была зла на мою подругу, но как в старые добрые школьные годы, когда ее родители пытались меня допрашивать, встала за нее горой, на этот раз – перед ее бабушкой.

– Ой, вы знаете, она там лепит и рисует как одержимая! – виртуозно врала я. – Феликс наверняка позирует ей там сейчас, мы ведь не знаем во Флоренции ни одного молодого человека! Кора, конечно, станет когда-нибудь очень знаменита, она вас прославит, вы будете гордиться вашей внучкой!

Она и так ими гордится, отвечала бабуля. И, как будто стараясь себя утешить, добавила:

– Ничего, через пару дней они вернутся. А вы прежде знали Феликса? Такой хороший мальчик! Вы не поверите, как он за мной ухаживает. Другие студенты уезжают на каникулы в Мексику, а он опекает меня, скучную старую перечницу. Ему бы тоже отдохнуть, сменить обстановку. Я рада, что он поехал с Корой. Вот только... – Она вдруг умолкла.

На обратном пути я хотела было заехать за продуктами, но тут выяснилось, что у меня почти нет денег. Мой кошелек, очевидно, остался в сумочке у Кору. Ну и куда бежать, у кого просить? У бабули, которая по моей вине осталась без своего мейсенского фарфора и сол-

нечных очков? У таксиста Энди, который с завистью считает Феликсовы побочные доходы? Или вообще у незнакомой соседки?

Я обшарила в поисках еды маленькую кухню, но ничего не нашла, кроме дешевых полуфабрикатов, а их мы с Бэлой не уважаем. Да, псу, кажется, повезло больше – у него еды достаточно.

В итоге для сына я сварила макароны, и он съел их пустыми, без тертого пармезана. Самой пришлось прямо из банки трескать селедку с экзотическими фруктами в соусе карри. Бэла отправился спать рано, вопреки обыкновению, а я осталась совсем одна на кухне, всеми брошенная, в изгнании. Утешением мне стал только крохотный элегантный ножичек для масла, который я незаметно сунула себе в карман на кухне фрау Шваб. Пусть она думает, что я выбросила его вместе с осколками. Но при ближайшем рассмотрении ножичек оказался дешевеньким столовым прибором из какой-то гостиницы. На меня снова накатила злость, и я решила вернуть нож обратно.

Я безуспешно пыталась дозвониться во Флоренцию Эмили. Мобильный Кору тоже не отвечал. Наконец с пятого раза она соизволила взять трубку. Переступив через гордость, я вынуждена была пожаловаться, что они с Феликсом оставили меня без копейки денег.

– Да ты что! Ой, прости, – удивилась Кора. – Слушай! Совсем забыла. Ты подумай! Ну, ты не грусти, у Феликса найдется заначка, я уверена!

Трубку взял Феликс: нужно искать в коробочке с дискетами. Бери, говорит, не стесняйся.

Потом вновь голос Кору:

– Да, Май, мы тут сделали небольшой крюк, заскочили в Мюнхен на одну отличную выставку. Ну, не скучай! Чао!

Я нашла коробку, а в ней целых триста марок, водительские права Феликса, которые, вообще-то, должны были бы быть при нем, фотографию какой-то Симоны, потом какой-то Сьюзи. Судя по документу, Феликс был немного старше нас с Корой, но выглядел совсем как невинный ребенок. И зачем он Коре понадобился?

Мне уютнее всего было на кухне. Здесь я нашла бутылку дешевого красного вина, конечно, не сравнить с кьянти классико или просекко. Когда же наконец у Энди закончится смена?

Кто-то открыл входную дверь, я выглянула в прихожую. Ну наконец-то! Вошла женщина, усталая, лет на десять старше меня. Она вздохнула и прошла на кухню. Собака радостно поскакала ей навстречу. Незнакомка не скрывала свое женское очарование под ослиной шкурой, как принцесса в сказке, и вообще, скорее напоминала щуплого мужчину. Я с изумлением заметила у нее над верхней губой темную тень.

Она села к столу, я налила ей вина. При свете лампы, висящей над столом, я разглядела у нее над губой маленькие усики: как будто она забыла вытереть губы после шоколадного мороженого.

Она догадалась, о чем я думаю, и рассказала мне свою историю:

– Мне было тринадцать лет, когда у меня начались месячные. Мама в утешение мне сказала тогда, что это еще ничего, вот у мужчин вообще растет борода. Никто тогда и представить себе не мог, что мне тоже скоро придется ежедневно брить ноги и руки. Но усы я решила не трогать, это моя изюминка, моя особенность.

Она так непринужденно рассуждала об этой своей проблеме, которая для многих – табу, что у меня на душе стало как-то теплее, и я расслабилась.

– Большинство знакомых мой вид забавляет, они находят его интересным и не считают уродством. Наш семейный врач определял этот феномен как гирсутизм, мои тетки называли меня обезьянкой, дядя звал кошечкой. В общем, в детстве это были милые прозвища, хотя, естественно, всякий раз меня сравнивали со зверями.

– А мой брат звал меня слонихой, – пробормотала я.

– Как? – переспросила она в недоумении. – Вот добрый мальчик, я бы за такое прочила.

– И я. Он уже лежит на кладбище Бергфридхоф в Гейдельберге, – тихо сказала я.

Она с минуту изучала меня в крайнем замешательстве:

– У тебя очень своеобразный юмор.

Потом Катрин продолжала о себе. В двадцать два года она купила себе бритву и стала брить руки и ноги. Летом – каждое утро, зимой реже: под длинной одеждой все равно не видно.

Какой предок одарил ее этой чрезмерной растительностью, бог знает. Может, странным образом суммировались гены волосатости, когда смешались средневропейская и южная кровь ее родителей. Тут последовал подробный рассказ о семье.

Ближе к ночи явился Энди. К нам у него был только один вопрос:

– Кто-нибудь гулял с собакой?

И молча вывел пса сам. Значит, за собакой тоже было кому присмотреть и без меня. И чего ради я тогда торчу в Дармштадте?

На следующее утро наконец там, во Флоренции, к телефону подошла Эмилия. Мы давно уже были друзьями, я не рассматривала ее как домработницу, скорее как старшую подругу.

– Как наш малыш? – первым делом спросила она. – Ты забыла его медвежонка! Как же он там засыпает без своего Балу? А про меня вспоминает?

– Все у него отлично. Что Кора и Феликс? Вернутся завтра?

– Нет, куда там! Что-то я путаю, – отвечала Эмилия. – В городе адская жара. Завтра они все вместе едут на море или за город.

– На море? Без меня? – прозвучал мой наивный вопрос.

– Ну, Майя, ты сама решила остаться и присмотреть за больной старушкой, – отвечала Эмилия. – Никогда бы не подумала, что ты способна на такое самопожертвование. Обязательно передам от тебя привет Коре и Феликсу. Их сейчас нет, любуются окрестностями окрестностей, знаешь ли...

Тут у меня вырвалось такое крепкое словцо, что Эмилия из педагогических соображений бросила трубку.

Я готова была в разбитой колыхаге Макса пуститься вдогонку за этими двумя подлецами, и чтобы потом Феликс на той же старой телеге тащился один обратно домой.

Кора, Кора, зачем ты портишь нашу дружбу? Чем я перед тобой виновата? За что такая немилость? Мы столько вместе пережили! Да не увела бы я у тебя твоего Феликса. Или ты не хочешь, чтобы я видела, как ты залезаешь в постель к своему кровному родственнику?

Ближе к полудню Энди наконец соскреб себя с кровати и явился на кухню. К плотному завтраку он, очевидно, совсем не привык, съел только яблоко и выпил какао прямо из упаковки. По всему судя, у них принято пить какао именно так.

Мои насупленные брови его рассмешили.

– Ну и вид у тебя! Посмотри на себя в зеркало! А между тем сегодня слишком хороший день, чтобы сидеть дома, да еще с таким лицом. Могу отвезти вас на моем такси в бассейн.

– Хочу море! – отвечала я.

И вообще, у меня есть машина Макса, я и сама могу поехать куда угодно.

– Следи за тормозами, – предупредил Энди. – Ни за что бы не сел в эту развалюху.

К подобным предостережениям я привыкла относиться серьезно. Когда студент ушел, я спустилась в подвал и обнаружила там старый велосипед. Бэла обрадовался неожиданному путешествию на черном громыхающем звере, с готовностью взгромоздился на багажник и послушно и крепко обхватил меня ручками за талию. Навстречу попадались мамыши,

у которых дети, как положено, сидели на велосипедах в детских креслицах, накрепко пристегнутые. Все они готовы были наказать меня за мое материнское разгильдяйство. А одна неуклюжая корова крикнула:

– Запрещено так возить ребенка!

Кондовые немцы как они есть. Тоска!

Однако на одном особенно крутом повороте я и сама поняла, что «корова» была права: так ездить опасно. Тогда мы припарковались у ближайшего универмага. На стоянке были и другие велосипеды, на двух из них я увидела образцовые детские сиденья. Жаль, но в этом универмаге вообще не продавались инструменты. В другом магазине я обратилась к консультанту:

– Я потеряла ключ и теперь не могу отцепить свой велосипед от столбика, – соврала я, – ребенок маленький, домой пешком мы не дойдем. Мне нужны какие-нибудь подходящие клещи.

Мне объяснили, что здесь нужны не клещи, а кусачки, и стоят они недешево, а напрокат здесь инструменты не выдают.

Расстроенные, мы вышли на воздух и в утешение съели по порции мороженого. Около полудня я заметила на улице все больше женщин на велосипедах, детские сиденья были пусты. Видимо, наступил час, когда матери забирают малышей из садика. Я вскочила на велосипед и кинулась за ними. Подвернулся удобный случай: у ворот детского сада евангелистской общины стоял велосипед, оснащенный как надо. Я мгновенно угнала этот велик, взамен оставив свой раздолбанный, и увезла ликующего Бэлу в лиловом креслице.

Вся в поту я вернулась в коммуналку. А Кора и Феликс, наверное, как раз валяются на пляже в шезлонгах и потягивают кампари. Вот и в прошлом году летом мы все вместе так отдыхали на море. Вот было время – ни забот, ни хлопот. Бэла с Эмилией собирали ракушки.

Телефон. Может, Кора раскаялась и сейчас бросится вызволять меня из моей ссылки. Но нет, это была бабушка.

– Как вы, Майя? – заботливо спросила она. – Надеюсь, малыш не перегрелся на солнце?

Нет, заверила я безо всякого энтузиазма, не перегрелся. В Италии обычно жарче. Мы привыкли.

– Слушайте, – продолжала старая дама, – я забыла кое-что важное. Хотела попросить о небольшом одолжении. Один мой старый друг живет в доме престарелых тут неподалеку. Я хотела подождать, пока вернется Феликс, но Хуго настаивает... Не могли бы вы найти время отвезти меня туда?

– Была бы рада, но машина, которую мне оставили, разваливается на ходу. Ездить на ней опасно и безответственно. У меня сын, не хотелось бы оставить его сиротой.

Фрау Шваб вошла в положение и решила взять такси.

Вечером я поймала себя на том, что с тоской жду возвращения Ослиной Шкуры. Меня к ней тянуло, мне было интересно с ней. Мне казалось, эту женщину окружают мрачные тайны, и прошлое у нее загадочное. Как только Бэла уснул, подстегиваемая любопытством, я пробралась в ее комнату.

Коллекция кошек из разных материалов. Намек на ее биографию и на ее вкус. Она точно небогата, никакой роскоши. Одежды и косметики – минимум, только самое необходимое. Четыре книги из библиотеки. Единственная роскошь – орхидеи: марципано-розовые тяжелые цветки, как будто искусственные, бледно-фиолетовые, благородно белые, тигровые.

Кем она работает? В ящиках стола – пособие по изучению иностранного языка. Должно быть, она учительница.

И я угадала! Вечером соседка подтвердила мои догадки. Катрин, ее имя Катрин.

– Мне пришлось сбежать от мужа. Макс, мой старый приятель, как раз разошелся со своей подружкой, и та съехала. Комната освободилась. Я поселилась здесь. Здорово, с одной стороны, только приходится ездить на работу во Франкфурт. Я преподаю итальянский в Народном университете и немецкий как иностранный. А ты чем зарабатываешь на жизнь?

Мне пришлось признаться, что я потеряла место экскурсовода во Флоренции и уже давно безработная. О скорбных причинах сего я предпочла умолчать.

– Да, сегодня надо радоваться, если есть работа, – вздохнула Катрин и задумчиво оглядела меня, – хочешь подменить меня на время на моих итальянских курсах?

Бабуля желает меня личным шофером, Катрин нужна замена. Ой, неохота, ни то, ни другое!

– Никак не решишься? – спросила моя соседка. – Да ведь это несложно. На летние курсы ходят в основном дамы. Они так влюблены в итальянский, что ты можешь спокойно втирать им любую ерунду. Им не нужно знать итальянский, как родной, речь идет о паре разговорных оборотов, чтобы достойно провести отпуск. Один из слушателей, очаровательный пенсионер, признался, что итальянский ему нужен, чтобы в ресторанах заказывать блюда *senza aglio*³, ну, чтобы потом не пахнуть чесноком. Другие учатся произносить названия сортов итальянского мороженого, даже если официанты говорят по-немецки.

Мне все это было, конечно, знакомо.

– Думаю, у меня бы получилось. Хотя вряд ли стоит начинать, все равно вскоре приедет Кора и заберет меня в Италию. Может, послезавтра в это время уже буду на пути в землю обетованную. Кроме того, куда девать Бэлу? Вряд ли ты собиралась служить нянькой, пока я буду подменять тебя на курсах.

Она кивнула.

– Нет, не собиралась. А с кем ты оставляла сына во Флоренции, когда работала? Он уже ходит в детский сад?

Нет, не ходит. Хотя по возрасту его бы уже приняли. Но наша добрейшая Эмилия любит его как родного и счастлива о нем позаботиться.

– Эмилия – это кто?

– Наша домработница, – сказала я и застыдилась. Можно подумать, я живу в богатстве, даже в роскоши, а Эмилии не нравится, когда ее зовут домработницей.

– «Наша домработница»! – передразнила меня Катрин.

– Лично у меня за душой ни гроша, – стала оправдываться я, – все принадлежит Коре, она унаследовала целое состояние от богатого мужа.

– Такая молодая, а уже вдова! – удивилась Катрин. – А у тебя как? Ты замужем за отцом Бэлы?

– Вообще-то, да. Но мы разошлись. Его зовут Йонас. Он живет в Шварцвальде. Он... фермер.

³ Без чеснока (*итал.*).

3

Моя дармштадтская ссылка продолжалась между тем уже целую неделю. Заперли и бросили, вот и весь сказ.

Бабушка давно поправилась, о собачке и без меня было кому позаботиться. Кора спряталась в своем любовном гнездышке под предлогом «итальянских каникул», и ее там было не достать. Мобильный у нее не отвечал, может, выключила, а то и вовсе потеряла или выбросила.

Те три сотни марок, что я взяла у Феликса, давно кончились. Пришлось снова, как в юности, поступившись принципами, нарушать закон. Прощай, честность, порядочность и законопослушность! Опять, как подросток, тырила продукты в супермаркетах. Сноровка была уже не та. Ни ловкости, ни наглости. Прежде воровство было забавой, теперь – тяжким трудом.

Нужда заставила меня позвонить мужу. До сих пор я не требовала от Йонаса никаких алиментов, хотя он сам предлагал. Каждый год Йонас брал на несколько недель нашего сына к себе на ферму, а потом привозил обратно в Италию. Будь его воля, он бы не расстался с сыном вовсе.

Йонас как будто ждал моего звонка.

– В воскресенье я вас заберу! Где вы?

Мне хватило ума не выдавать, где я, но куда же он пришлет чек?

– Давай встретимся во Фрайбурге, – предложила я, – ты возьмешь Бэлу на три-четыре дня. А меня бы ты очень выручил парой купюр, а то я на мели. Мы с Корой заберем его потом, когда Кора вернется из Италии.

Йонас согласился.

Вечером я посвятила в свои планы Катрин. Мы сидели в ее небогатой комнате на вытертом ковре, а Бэла кувыркался на ее матрасе.

Катрин жалела, что все милые ее сердцу вещи остались в ее прежнем доме, у мужа, от которого ей пришлось сбежать. Она смогла вывезти только свою кошачью коллекцию и орхидеи, иначе он выбросил бы их на помойку.

– Fiore⁴, – пролепетал Бэла и втиснул мне в руку семь белых цветков.

– Мой фаленопсис! – рассердилась Катрин. – Он так редко цветет! Теперь только через девять месяцев, если вообще распустится.

Мне снова пришлось извиняться за сына, который в последнее время учинил немало разрушений.

– Завтра отвезу его на несколько дней отцу. Тогда я бы съездила с тобой во Франкфурт.

– Мы с тобой похожи, – заметила Катрин. – Только у меня нет ребенка, и с мужем встречаться я больше не желаю.

Что такого он ей сделал?

Надеть нечего. Собираясь дня на три, я взяла с собой всего ничего из вещей. У студентки, в чьей комнате я жила, вещи были дешевенькие и нестираные. Просить Катрин я не решалась. Чертыхаясь, я запихнула джинсы – свои и сына – в стиральную машину. Авось к завтрашнему дню высохнут. Стоя в одном белье у раковины, я стирала две свои шелковые блузки, рядом Бэла плескался в ванне. Мне не следует появляться при муже черт знает в чем, и ребенку уж тем более надо выглядеть прилично. Вечером похолодало, я накинула чей-то банный халат – Макса или Феликса, все равно оба в отъезде. И вышла покурить на балкон.

У Энди не было четкого графика работы, он являлся в любое время.

⁴ Цветы (итал.).

– Тебе идет мой халатик! Что, надеть нечего?

– А вот и нечего!

– Всего-то! – сказал Энди. – Пошли, мое такси стоит прямо у дверей. В богатых районах по понедельникам собирают старое тряпье для Красного Креста, и уже сейчас мешки лежат прямо на тротуаре. Посмотрим, чем можно поживиться!

Мне совсем не хотелось носить платье чьей-то покойной бабушки. Однако Энди уверял, что не раз уже это проделывал. То, что не пригодится, можно подкинуть потом на место.

– Не бойся, за кражу пыльных тряпок не накажут. Большинство из них все равно уже ветошь. Будет весело. Поверь мне!

Давненько я не пускалась в такие авантюры. Обычно, когда мне что-то было нужно, Кора щедро отдавала мне свой кошелек. Я зависела от ее денег, как наркоманка.

– О'кей! – сказала я, потушила сигарету и попросила Катрин присмотреть за Бэлой, пока тот спит.

Наш вечерний выезд и правда удался, мы развлеклись и повеселились от души. Мы выбирали самые роскошные виллы в стиле модерн и мгновенно забрасывали мешки с вещами в машину. Ребяческий охотничий азарт Энди оказался заразителен и передался мне. И так мы набили салон мешками до самой крыши.

Посреди кухни мы вытряхнули первый мешок. Интересно, что выбрасывают богачи? Слаще ли они спят, зная, что их старые носки донашивают те, кто победнее?

Сперва мы наткнулись на мужские пиджаки, безнадежно старомодные, совсем не для студентов, кроме того, Энди они оказались велики. Под пиджаками на дне мешка обнаружили не меньше десятка бюстгалтеров, застиранных, потертых, пожелтевших или серых от старости. У меня такие уже есть, спасибо. Мы снова запихали все в мешок и вытряхнули следующий.

– Фу! – запах ударил мне в нос – Ну и вонь! Могли бы и постирать! Я не буду в этом рыться.

Энди тоже побрезговал и запихал тряпье обратно.

Порадовались только содержимому восьмого мешка: здесь каждая вещь была чистой и поглаженной. Я вытянула ночную рубашку из тонкого шелка. Точно из прошлого века, но какая вышивка, какое качество. Такие сорочки, должно быть, надевали принцессы в первую брачную ночь. Элегантные дамские платья, кашемировый свитер, слегка побитый молю, расшитое блестками вечернее платье, зимнее пальто из тонкого английского сукна, почти новое, и несколько мужских вещей, их, видимо, нашивал прежде стройный немолодой господин. Мы перемерили все это добро, а потом предстали перед Катрин: Энди в смокинге, я – в длинном вечернем платье.

– Репетируете водевиль? – спросила она.

Содержимое последнего мешка, видимо, происходило из семейства барона фон Траппа: австро-немецкие национальные костюмы для отца, матери и детей. Я взяла себе самый красивый женский наряд, для Бэлы – крошечные кожаные штанишки. Остальное барахло Энди увез обратно.

Я видела уже пятый сон, когда меня вдруг разбудил чей-то нежный поцелуй, от которого я вскочила как ужаленная.

– Ты надела свою шелковую ночнушку? – услышала я шепот Энди.

Тут проснулся Бэла.

– Уходи отсюда! – потребовал мой сын.

Энди, к счастью, не обиделся. Утром он на своем такси отвез нас на вокзал.

Бэла, которому до сих пор нечасто доводилось кататься на такси, залез в машину и, к нашему удивлению, совершенно по-светски приказал:

– Alia stazione! Per favore!⁵

– В одиннадцать двадцать вы будете в Мангейме, там пересадка, через десять минут придет поезд до Фрайбурга. Сама справишься?

– Конечно. Только купи мне билет, я сегодня же отдам тебе деньги, я вернусь уже вечером.

Как только мы сели в поезд, сын закапризничал. Кожаные штаны натирали и царапались, Бэла заныл:

– Сними pantaloni! Сними! Subito!⁶ – требовал он.

Я и сама уже пожалела, что напялила этот национальный костюм, а не сырые еще джинсы. Увидев меня в таком виде, Йонас подумает, что я наконец согласна прожить с ним жизнь в его деревне. Или того хуже, решит, что я над ним издеваюсь.

Йонас встретил сына на перроне с распростертыми объятиями. Бэла бросился к нему и закричал:

– Babbo, babbo!⁷ Хочу кататься на trattore!⁸

Именно обещанием этого аттракциона я заманивала Бэлу в деревню. Я хотела сразу же распрощаться, но пришлось приличия ради выпить с ними чашку кофе в вокзальном бистро. Йонас прекрасно выглядел, как всякий, кто живет и трудится на свежем воздухе: здоровый, загорелый, мускулистый.

А глаза у него какие-то собачьи, подумалось мне.

Этими самыми глазами муж поглядел на меня с одобрением.

– Тебе очень идет это платье. Никогда тебя такой не видел. Не заедешь ли к нам на денек?

На один день означало и на одну ночь. Ну, нет, не хочу снова оказаться в его загорелых руках, это будет для меня ловушкой. Оттуда я потом не выберусь. Нет, извини, нет времени, отговорила я.

Из вежливости пришлось дежурно поинтересоваться здоровьем его родни и всем передать привет. Мне пора было идти. Йонас достал конверт.

– Тысячи марок тебе хватит?

Ого, ничего себе! Какая щедрость! Тронута, тронута. Спасибо!

Знал бы он, как скоро я растрочу его деньги на шмотки, он не был бы так великодушен. Что поделаться, я привыкла к дорогим бутикам, и все тут. На обратном пути я всерьез задумалась: пришло время самой зарабатывать себе на жизнь. И всерьез, а не гроши. Пусть Кора узнает, что я могу обойтись без ее подачек. Даже поход по магазинам меня не развеселил: я не могла простить Коре ее вероломства.

Я вернулась в коммуналку почти ночью. Ни Энди, ни Катрин дома не оказалось. Один пес кинулся меня лобызать. Ох, как не хватает сына! На моей кровати лежала шелковая ночная рубашка, разложенная, как в отеле на средиземноморском курорте. Энди наверняка снова попытает счастья. Уж не думает ли он, что я отправила сына к отцу, чтобы освободить место на двуспальной кровати? Я оставила дверь приоткрытой.

Я прождала почти всю ночь, но Энди так и не пришел. Может, работал в ночную смену, устал или же хотел, чтобы я его ждала и томила. А я между тем вообще не уверена, что приняла бы его. В конце концов, как только я уснула, кто-то легко коснулся моих ног. Я потянулась и поняла, что ко мне пришла собака. Но у меня уже не было сил ее прогнать. К чести пса надо сказать, что он вел себя исключительно достойно.

⁵ На вокзал, пожалуйста! (итал.)

⁶ Сейчас же! (итал.)

⁷ Папа (итал.).

⁸ Трактор (итал.).

За завтраком я застала Катрин. Мне отчаянно хотелось спать, но я предложила поехать с ней во Франкфурт. Катрин была рада.

Во Франкфурте мы немного побродили по центру, затем она поспешила на работу в свой Народный университет, а я отправилась в музей Гете, а потом устроила привал в ближайшем кафе. Оно было переполнено, мне еле нашлось место среди шумной компании молодых людей. На меня никто не обращал внимания, я прислушалась к разговорам. Студенты! Могла бы и я быть одной из них, я им ровесница. Вот только я ни разу в жизни не пыталась ни поступить в университет, ни вообще овладеть какой-нибудь стоящей профессией. Мои экскурсии – это так, и не профессия толком.

Всем этим студентам приходится подрабатывать: кто-то водит такси, как Энди, другие дают уроки, третьи проводят телефонные опросы или служат официантами. Снова, как в школе, я была аутсайдером.

За соседним столиком одна барышня-романистка рассказывала, как она переводит с итальянского на немецкий рецепты для одного итальянского производителя полуфабрикатов:

– Откуда мне знать, что значит по-немецки эта их *Vagno maria*?

– Водяная баня, – встряла я неожиданно, ни к кому не обращаясь.

Собеседники замолчали и внезапно разом посмотрели на меня.

– А может, ты знаешь и разницу между *cotto* и *bollito*? – Она схватила карандаш.

– И то и другое означает «вареный», только *bollito* – тушеный в небольшом количестве жидкости, – сказала я с гордостью.

Тут уж меня признали за свою, приняли в компанию, и разговор возобновился. Никто не спрашивал ни мое имя, ни откуда я взялась. Не в этом дело, меня приняли за студентку-лингвиста. Каждый пожаловался, что в университете учат поверхностно, что не хватает времени на «разумное, доброе, вечное».

Стали расходиться. Кафе опустело. За столиком остались только я и одна вечная студентка, этнограф, мы допивали уже пятую чашку кофе.

– Еду в экспедицию! В Пакистан, на полгода! – радостно сообщила она. – Я уже собралась. С квартирой вышло неудачно: я уже договорилась с одним парнем, что он будет снимать квартиру, где я сейчас живу. А у него, видите ли, в последний момент изменились планы. И что мне теперь делать?

О! Стоп! Есть предложение!

– У меня есть одна знакомая учительница, – встрепенулась я, – живет в Дармштадте, работает во Франкфурте. Ей бы, наверное, подошло...

– Вот было бы здорово! – обрадовалась этнографиня. – Только предупреди, что через семь месяцев она должна без разговоров съехать. И мой домовладелец ничего не должен знать о нашей сделке. Семьсот марок в месяц, квартира отличная, в красивом старом доме. Хочешь взглянуть, тут рукой подать?

«Рукой подать» оказалось в двух остановках на метро. Мне квартира сразу понравилась. Обои, правда, чудовищные. Ну да ничего, их почти не видно: стены задрапированы темно-красными шерстяными покрывалами с вышивкой.

Две комнаты, ванная и большая кухня. Обрадую Катрин!

Я помчалась домой. В поезде у меня появилась новая блестящая идея. Поскольку Кора не объявлялась и бог знает насколько еще затянется ее медовый месяц, отомщу-ка я ей! Попрошусь пожить с Катрин во Франкфурте, пускай теперь Кора меня ищет!

Мои мысли прервал чудной сосед по вагону. Кроме нас двоих, здесь больше никого не было. Он заговорил со мной на диалекте. Австриец, догадалась я. Одет в темно-серый костюм грубого сукна с зеленым кантом, красный галстук и бледно-зеленую рубашку. Немолод, на лице возрастные пятна.

– Вы не знаете, здесь в поезде можно купить пива?

Я пожала плечами. Простите, не знаю.

Мы разговорились. Через несколько минут я знала о нем почти все: он владел магазинчиком сувениров в Инсбруке, торговля шла хорошо, сейчас он возвращался домой с туристической ярмарки.

Он был мил и добр, и я тоже рассказала немного о себе.

– Вы знаете итальянский? – воскликнул он. – И сейчас временно без работы? Прекрасно! Мне очень нужна продавщица с итальянским! – И он с умилением перечислил и описал сувениры, которые продаются в его магазине: коровьи колокольчики, марионетки в национальных костюмах, подтяжки с вышитыми эдельвейсами, арбалеты, швейцарские армейские ножи, трости для прогулок и разнообразные шляпы.

Большую часть сувениров делают прямо на месте – в Тироле, но не все, вот такие галстуки, например, он заказывает на Тайване. Он с гордостью предъявил свой узкий галстук, расшитый сурками. Туристов много, больше всего японцев и американцев, но с каждым годом – все больше итальянцев. И в заключение на своем заковыристом диалекте заявил, что я там всем обязательно понравлюсь, а в праздничном дирндле⁹ покорю всех до одного!

А не податься ли и вправду в Инсбрук? Вот уж где Кора меня никогда не найдет. Ну и пусть ищет! А я между тем в австрийском национальном костюме буду продавать шоколадки с Моцартом!

На всякий случай я записала его адрес и телефон, кто знает, вдруг пригодится. На прощание пожилой чаровник поцеловал мне руку.

Катрин оказалась вовсе не в таком восторге от франкфуртского жилья, как я. Но без ее денег мне нечего было и мечтать снять квартиру во Франкфурте.

– Если в доме нет центрального отопления, можешь дальше не рассказывать. А куда выходят окна? На улицу? Там шумно? Если от грохота машин нельзя открыть окно, я там жить не стану. Далеко ли от моей работы? Через полгода съезжать. Значит, обои менять бессмысленно...

Бог с ними, с обоями. Зато есть мебель, ровно столько, сколько необходимо женщине, у которой все имущество – ноутбук, матрас и коллекция кошек. А полгода понадобится как раз на то, чтобы спокойно подыскать себе нормальное жилье.

– Хм-хм, – пробурчала она, – надо сперва взглянуть.

Она позвонила студентке-этнографу и договорилась о визите.

Я медленно продолжала наступление и осторожно предложила Катрин помочь перевезти ее вещи, а потом остаться у нее на пару дней во Франкфурте.

Она благодарно кивнула. А я уже планировала, когда лучше привезти туда Бэлу.

– Все-таки одно неоспоримое преимущество у этой квартиры точно есть, – задумчиво сказала она, – я буду жить довольно далеко от моего прежнего дома, нет опасности столкнуться в супермаркете с мужем. На двери и в телефонной книге – не мое имя! Телефон заново подключать на себя не буду.

– Как же так случилось, что ты вышла за него замуж, – недоумевала я, – ты ведь панически его боишься. Я-то ждала Бэлу, пришлось выходить замуж...

– Я тоже однажды была беременна, но он не захотел ребенка, – отвечала Катрин. – Мое замужество обернулось каким-то хождением по мукам. Конечно, не стоит лезть в это ярмо только ради того, чтобы избавиться от дурацкой фамилии, вообще-то, не стоило лезть в пекло.

– Господи, что же у тебя была за фамилия такая?

⁹ Дирндль – женский австрийский национальный костюм. Здесь и далее примеч. перев.

– Бузони. В Италии имя напоминает о великом композиторе, гордости нации, а немцы меня задразнили. В двадцать лет была у меня любовь с одним парнем, чуть не поженились. Теперь до слез жаль, что я ему отказала. Он готов был бежать жениться, но его звали Ральф Лекерман¹⁰. Для немцев Катерина-Барбара Бузони звучит как «грудастая Барби»¹¹, мне остро-чертело, что над моей фамилией смеются. Потом подвернулся случай, и недолго думая я стала Катрин Шнайдер.

Понимаю, понимаю. Я закивала. Катрин ловко разделалась со своим итало-немецким происхождением и обособилась от семьи. А может быть, было и еще что-то. Не одна только фамилия.

Сидя в одиночестве в моей грязной комнатенке, я все думала о Катрин. Принцесса Ослиная Шкура в сказке убегает и прячется от родного отца. А Катрин страшится преследований мужа. Но одна деталь во всей этой истории казалась мне неубедительной: если бы муж стремился с ней объясниться, он мог бы в любой будний день подкараулить беглянку около ее Народного университета.

На следующий день я навестила бабушку Кору.

– Доброе утро, фрау Шваб! – Я, как Красная Шапочка, достала из корзины для покупок бутылку вина. – Я, собственно, зашла попрощаться.

– Как мило, Майя, что вы опять меня навестили!

Она серьезно или это едкая ирония?

– Полагаю, Феликс и Кора вернулись, и Кора забирает вас в Италию? – Она вопросительно смотрела на меня и ждала подтверждения, явно удивляясь, что ее внуки не появились у нее сами. А что я без Бэлы, она и не заметила.

– Нет, – отвечала я, – просто мне пора возвращаться, у меня отпуск кончается. Я же вожу экскурсии для туристов. И если не вернусь вовремя, потеряю место. Кроме того, мне нужно забрать сына, он сейчас гостит у отца, в Шварцвальде. К сожалению, не могу вам сказать, сколько еще Кора и Феликс пробудут в Италии.

Шарлотте Шваб мои слова не понравились.

– Феликс же хотел всего на несколько дней... А вам он как сказал?

Я соврала. И в первый раз в жизни решила не выгораживать Кору:

– Кора и Феликс признались, что бесконечно счастливы вместе. Так что скоро их не ждите.

Бабулины глаза, замутненные, вероятно, катарактой, но никак не старческим слабованием, метнули на меня две молнии.

– Невероятно! Они же двоюродные брат и сестра! – Но старушка быстро взяла себя в руки и вновь встала за честь семьи. – Вы, Майя, скорее всего, не так поняли. Феликс, конечно, счастлив в Италии, он всегда любил искусство итальянского Возрождения.

Высокомерная, претенциозная лицемерка! Я была так возмущена, что на прощание сунула к себе в карман маленькую гранатовую брошь.

¹⁰ Лакомка, гурман, подлиза, подхалим, блюдолиз (нем.).

¹¹ От нем. Busen – грудь, бюст.

4

Ну что я за мать! Подкинула сына, как кукушонка, отцу в Шварцвальд, с тех пор прошло уже много дней, а я даже ни разу не позвонила. Чертовски не хотелось бы нарваться на свекровь. Опять начнутся потоки упреков и обид! Ну ее. Свекровь не могла мне простить, что я не живу с ними на ферме, не могла смириться с тем, что я не кормлю кур, что я не верная и преданная жена ее сыну, что не стряпаю на всю семью. Ну не католичка я, ну ладно, ну замуж шла беременная, это еще можно стерпеть, но в крестьянской семье невестка, которая не вкалывает от рассвета до заката на хозяйстве, – это катастрофа.

Однако я собралась с духом, позвонила. Трубку взял Йонас и передал ее сыну, Бэла хотел рассказать все сам:

– Майя, я умею на компьютере, и я умею писать!

– Рисовать? – поправила я.

– Нет! Писать! Меня Герлинда научила!

Что за Герлинда?

– Знакомая, – отвечал муж.

– Подруга? – выпытывала я.

– Может быть, – уклончиво ответил Йонас.

Ну не знаю, что сказать: можно узнать, почему некая Герлинда учит моего сына писать?

– Она учительница младших классов в здешней школе. Сейчас у нее каникулы...

– ...тренируется на Бэле, чтобы квалификацию не потерять! – со злобой закричала я. – А я-то думала, что оставила сына гулять на свежем воздухе!

– Да ладно, – сказал Йонас, – Бэла пишет пока только заглавную «Б». Когда ты за ним приедешь?

– Не знаю! А что, сильно мешает?

Вовсе нет, Бэле все рады. А больше всех – бабушка, хотя у нее внуков много, но Бэла – особенный. Пусть остается, сколько мне нужно.

Значит, у Йонаса завелась подружка. Когда-нибудь это должно было случиться... Но учительница меня решительно не устраивала: на этой точно придется жениться. А это значит, муж попросит у меня развода. Тогда опека над Бэлой, о чем мы прежде никогда не спорили, будет решаться в суде. И суд, очень может быть, сочтет, что ребенку лучше жить с отцом – трудолюбивым крестьянином, образцовым, настоящим немцем – и его женой-педагогиней. А я, что я – перекасти-поле, ни дома, ни работы, ни семьи. Консервативные судьи вряд ли решат вопрос в мою пользу.

И вообще, я ревновала. Нет, я вовсе не собиралась жить с Йонасом, но он должен постоянно меня добиваться и склонять к совместной жизни! А эта Герлинда отнимала у меня и мужа, и сына. Дети так внушаемы, так переменчивы, им так легко запудрить мозги, они быстро привыкают к новому окружению. Как скоро, вернувшись от отца, Бэла забывал о нем!

Соперничество Эмилии я еще могла стерпеть, в конце концов, она выступала в роли бабушки, но к фокусам профессиональной воспитательницы я была не готова. Поторопить Катрин, чтобы мы скорее поселились во Франкфурте, и я смогла бы забрать Бэлу. Мы будем спать на кровати студентки, а Катрин пусть дальше спит на своем матрасе, ей не привыкать.

Прежде чем навсегда исчезнуть из Дармштадта, я хотела было вернуть велосипед, который «одолжила». Но детский сад оказался закрыт: начались каникулы. А у работающих матерей что, тоже каникулы? А как это в Италии? Как там относятся к работающим матерям? Лучше? Хуже? Разочарованная, я убрала велосипед обратно в подвал.

У Катрин была своя забота: в такой спешке она не могла найти того, кто бы занял ее комнату в коммуналке после ее отъезда. Ее тут так радушно приняли в свое время, и теперь она переживала, что она всех подводит.

– Знаешь что, – предложила я, – давай просто свалим по-тихому. Уедем, когда Энди будет на работе. Ты же не обязана докладывать, куда и зачем едешь.

– Но, Майя, это же свинство! Я и так должна парням за квартиру, но сейчас я на мели. А ты не могла бы мне немного одолжить?

Я ставила в духовку замороженную пиццу, когда, как всегда внезапно, явился Энди. Он мялся, как провинившийся:

– Я тебя не обидел?

Что именно он имел в виду? Он дал мне денег и проводил на вокзал. Я была ему благодарна.

– Я слегка перебрал накануне, иначе я бы полез к тебе в кровать.

– Ладно, – сказала я, – сегодня выпей еще больше, может, тогда получится.

Он тут же принес бутылку вина.

Когда потом я, вполне довольная, пыталась заснуть, прижавшись к его узкой спине, Энди вдруг потянуло поговорить. В знак особого доверия он дал мне причесать и заплести в тонкую косичку его длинные волосы. Это проявление материнской заботы с моей стороны так его растрогало, что он даже прослезился.

– Мне скоро тридцать, – подвел он грустный итог своего бытия, – а я все еще студент. Из-за работы таксистом все никак не могу сдать экзамены и получить диплом.

Я зевнула: этот юнец явно не тот, кто сделает меня богатой вдовой. И без особых угрызений совести я ни слова не сказала ему о том, что утром мы с Катрин отсюда исчезнем.

Когда мы садились в машину, Катрин как-то замаялась.

– Феликс оставил ночью сообщение на автоответчике: он едет в Дармштадт. Один или с Корой – не сказал. Что будешь делать? Поедешь или останешься и подождешь его?

Что я буду делать? Хм! Я могла бы помочь Катрин переехать во Франкфурт и вернуться к приезду Феликса. Но кто мне Катрин, чтобы так для нее стараться? Мне сейчас одинаково противны все участники этой компании – и слабаки вроде Энди, и стервы вроде Кору.

– Катрин, – решительно сказала я, – Кора обошлась со мной по-свински. Обещала, что ее не будет три дня, а сама бросила меня тут на две недели, и ни слуху ни духу. Теперь моя очередь, теперь я пропаду, пусть ищет. По-моему, это лучший способ ее проучить. Все равно я останусь на некоторое время у тебя, прежде чем вернусь во Флоренцию.

Катрин ничего не ответила, и я даже как-то засомневалась, так ли уж она рада моему обществу.

И только когда мы устраивались в квартире во франкфуртском Вест-энде, Катрин заявила:

– Ладно, оставайся. И это очень кстати, что Бэла у отца, так ты сможешь помочь мне и словом, и делом.

Знай я, что ей от меня нужно, я бы еще крепко подумала!

Первым делом надо было куда-то девать нашу одежду. Этнографиня взяла в экспедицию только самое необходимое и не подумала освободить шкафы. Не долго думая, я сгребла ее барахло в пластиковый мешок, в котором приехали шмотки от Красного Креста. Теперь же они висели на вешалках в платяном шкафу. В своей комнате Катрин поступила так же. Все подоконники были теперь заняты орхидеями, по книжным полкам расселись каменные кошки.

Когда квартира стала более обжитой, я вышла в булочную на углу купить что-нибудь на ужин.

Довольные, мы уютно устроились на кухне, жевали крендели с маслом, пили кофе.

– Задним умом все крепки, – сказала Катрин и облизала сливки с усов. – Когда я сбежала от мужа, взяла только теплую одежду, в Дармштадте пришлось покупать на лето какую-то дешевку. А в квартире мужа остались действительно хорошие вещи. И не только одежда, еще и книги, компакт-диски и прежде всего – картины. Да! Там такие картины, что даже эту халупу превратили бы во дворец. Как бы съездить на Нойхаусштрассе, обчистить собственную квартиру.

– Если у тебя остались ключи, какие проблемы?

У нас все получилось. Утром в десять, сделав контрольный звонок в квартиру мужа, Катрин припарковала машину рядом со своим прежним жильем. Я первая скользнула в подъезд на разведку. Дом словно вымер: время отпусков. Я отперла квартиру и махнула Катрин. Озираясь, как два вора, мы шмыгнули внутрь и оказались в просторной, светлой прихожей.

Катрин сразу прошла в спальню. Здесь во всю стену стоял необъятный шкаф-купе. Слева женская половина, справа, на стороне мужа, висели пять одинаковых мужских костюмов из тонкого серого сукна. Всего семь вешалок, каждая помечена своим днем недели. Сегодняшнего костюма на месте не было.

– Это он сам придумал, – объяснила Катрин, – каждый день как будто один и тот же костюм, чтобы не прослыть слишком богатым, и чтобы его клиентам-уголовникам не пришлось в голову обчистить квартиру.

Она хватала охапками свои вещи и бросала на кровать. Достала чемодан и попросила меня все уложить. А шмотки у нее все больше были дорогие. И мне бы очень пошли.

Как только Катрин оставила меня в спальне одну, я проковыряла пилкой для ногтей пару дырочек в темно-синем, как ночное небо, воскресном костюме хозяина.

Катрин набила большую дорожную сумку украшениями, фотоальбомами, духами. Постояла в раздумьях перед музыкальным центром.

– Нет, слишком тяжело тащить. Пусть пока вместе с дисками тут постоит, картины важнее.

И она сняла со стены четыре картины, написанные маслом. Я бы их даже не заметила. Она же заворачивала их в полотенца.

– Теперь пошли отсюда! Быстро! – У нее вдруг началась легкая паника, хотя все это не заняло и получаса. – Нельзя, чтобы нас тут застали. Держи! – Она навешала на меня картины. – А я возьму сумки.

Мы уже почти доехали до дома, когда Катрин опомнилась.

– Какая же я трусиха! Как глупо. Он придет из своей конторы и сегодня, конечно же, сменит замки. Нужно было брать все, сколько могли запихнуть в машину. – Нет! Второй раз я не смогу. У меня нервы не выдержат. – Катрин тряслась всем телом.

Я воздержалась от комментариев.

Сидя на кухне, я рассматривала фотоальбом Катрин. Вот маленькая девочка идет к первому причастию, вот – первый день в школе, вот невеста в белом платье идет под венец. Над одним из снимков я от души хохотала: отца и дочь подловили, когда они, как два официанта с одним подносом, приплясывая, переходили улицу в одинаковых черных костюмах и с одинаковыми усами. Потом я с пристрастием принялась разглядывать фотографии постылого мужа, нелюбимого господина Шнайдера. Я не влюбилась бы в него с первого взгляда, он не относился к молодым жгучим брюнетам, каких предпочитали мы с Корой. Лет сорока с небольшим, стальные глаза хорошо, наверное, смотрятся на фоне его серых костюмов. Очень спортивен, красивое тренированное тело. Несомненно, сильная и обаятельная личность. Только какого рода его обаяние?

– Катрин! – крикнула я ей. – Загадочный человек твой муж! Чем он тебе не угодил?

Она встала у меня за спиной и, вздыхая, посмотрела на фотографии.

– Как Эрик мне нравился, когда мы познакомились! Думаю, я не первая, кто на него запал.

– И?..

– Смешно сказать, он казался мне защитником бедных и несправедливо обвиненных и потому – хорошим человеком. Но его клиенты-уголовники совсем не бедствуют, и он на них отлично зарабатывает.

Ну вот, неужели еще одна защитница моральных ценностей... Может, мне вступить за ее Эрика? Пока я думала, Катрин продолжала:

– Он начинал как обычный рядовой адвокат, совсем не богатый, но через несколько лет стал специализироваться на делах о проституции и уже не вылезал из борделей. У него туда постоянный абонемент.

И Катрин разрыдалась. Я принесла ей бумажные платочки и сунула в руки банку колы. Немного поплавав, она потихоньку успокоилась и, чтобы отвлечься, взялась пылесосить квартиру. Мне тоже захотелось быть полезной: я распаковала картины и стала думать, куда бы их повесить. Странно, почему Катрин хотела забрать эти сомнительные шедевры? Что ей в них? Может, здесь что-то семейное?

Мы с Корой все время ходили по выставкам и музеям, я кое-что понимаю в искусстве. Сейчас я видела перед собой четыре скверные копии натюрмортов с розами в стиле бидермайер в дешевых рамах, все одинакового формата, примерно пятьдесят на пятьдесят. У одной из картин крючки еле держались. Как бы их укрепить? Я перевернула картину и вдруг обратила внимание, что бумага, бережно прикрепленная гвоздиками к раме, в одном месте отогнулась, и виднелись обои с пестрым рисунком. Странно, натюрморт написан маслом на обоях? Я принесла из кухни нож: что тут за секрет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.